

Этим вечером, когда Цзян Суйчжоу снова пришел к Гу Чанцзюню, в спальне, как и следовало ожидать, его ждали двое: сам хозяин комнат и Сюй Ду.

Стол уже ломился от яств, а всю прислугу отослали прочь.

Завидев Цзян Суйчжоу, они поклонились, и Гу Чанцзюнь тут же поспешил налить ему чаю.

Принц занял почетное место во главе стола.

— Хозяин еще утром сказал, что придет, поэтому я специально велел приготовить беличьего окуня в кисло-сладком соусе, — с улыбкой проговорил Гу Чанцзюнь и пододвинул блюдо к Цзян Суйчжоу. — Попробуете?

Цзян Суйчжоу невольно озадачился. Сам он никогда не любил сладкое, особенно такие приторные цзяннаньские блюда. За те несколько дней, что он провел здесь, на его столе в покоех преобладала северная кухня. Неужели прежний принц был сладкоежкой?

Он с сомнением посмотрел на Гу Чанцзюня и заметил, как тот слегка приподнял бровь, изобразив на лице крайнее изумление:

— Хозяин не будет есть?

Цзян Суйчжоу промолчал и, потянувшись палочками к тарелке, взял кусочек рыбы. Едва мясо коснулось языка, рот наполнила густая сладость — настолько приторная, что брови принца непроизвольно дрогнули, готовые сойтись на переносице. Он замер.

Пусть сейчас в теле принца Цзина находилась его душа, физиология осталась прежней. На вкусовые предпочтения, помимо привычек, влияют и вкусовые рецепторы. Раз он от природы не выносил сладкое и не имел никаких психологических барьеров на этот счет, значит, реакция его организма на эту рыбу была продиктована самой природой тела.

Прежний принц тоже не любил сладкое. Этот жест Гу Чанцзюня был чистой воды проверкой.

Прожевав, Цзян Суйчжоу холодно взглянул на наложника. На губах Гу Чанцзюня играла легкая улыбка — так улыбается человек, чьи сомнения развеялись, принеся облегчение. Цзян Суйчжоу не проронил ни слова, лишь пристально смотрел на него взглядом, полным предостережения.

Гу Чанцзюнь мгновенно это почувствовал. Он прищурился и, лучезарно улыбнувшись, пропел:

— И впрямь, хозяин по-прежнему не жалуется на сладкое. Жаль это знаменитое блюдо Цзяннани — целых три года оно не может удостоиться взгляда Ван-е.

Однако Цзян Суйчжоу медленно опустил палочки.

— А ты смел, — негромко произнес он, глядя на столешницу.

Гу Чанцзюнь смотрел на него, не проронив ни звука.

— Получил результат, который искал? — спросил Цзян Суйчжоу.

Наложник помедлил, а затем тихо рассмеялся: — О чем это вы, хозяин? Просто на днях в поместье привезли свежих окуней, вот я и подумал, что вам стоит их отведать.

Цзян Суйчжоу начал медленно постукивать костяшками пальцев по столу. Если бы здесь был кто-то, кто хорошо его знал, он бы сразу понял: это привычный жест профессора, когда он видит ложь насквозь и обдумывает ответный ход.

Цзян Суйчжоу понял: они догадались, что он — не настоящий принц Цзин. Он был к этому готов. В конце концов, эти двое были доверенными советниками прежнего хозяина тела; пусть они и не проводили вместе дни и ночи, но наверняка знали его как облупленного. Раз прежний принц взял их под свое крыло, они точно не были заурядными личностями, и обмануть их было задачей почти невыполнимой.

Но он не ожидал, что проверка начнется уже при второй встрече. Это доказывало: с самой первой их беседы они почуяли неладное.

Звук ударов костяшек о дерево мерно разносился по тихой комнате. В этот момент заговорил Сюй Ду, всё это время стоявший в стороне:

— Прошу, хозяин, смените гнев на милость. Чанцзюнь просто немного заигрался.

Он встал и низко поклонился Цзян Суйчжоу.

— Но будьте уверены: что бы ни случилось, его преданность вам ведома самим Небесам и Земле.

Это было прямое заверение в верности. Цзян Суйчжоу понял подтекст: кем бы он ни стал, пока он остается их господином, они будут служить ему. Он опустил глаза и сделал глоток чая, смывая приторный вкус рыбы.

Словам он не верил — нужны были доказательства. Но он также понимал, что его истинная сущность теперь больше не была секретом для них троих. Он вынес предупреждение, они выразили покорность — дальнейшее давление было бессмысленным. Ему нужны были факты, подтверждающие их лояльность, а до тех пор следовало найти рычаги влияния, которые не позволят им его предать.

Цзян Суйчжоу снова взял палочки и, как ни в чем не бывало, спокойно заговорил о вчерашнем письме. Сюй Ду и Гу Чанцзюнь тоже сделали вид, что ничего не произошло, и включились в обсуждение.

Как и в прошлый раз, их мысли были четкими, логичными и глубокими. Их советы часто били не в бровь, а в глаз, полностью совпадая с выводами, которые Цзян Суйчжоу делал на основе исторических хроник. Казалось, они служат ему так же истово, как и прежнему принцу, не оставляя ничего при себе.

Цзян Суйчжоу не мог понять: притворяются они или им действительно плевать, кто именно перед ними. Но их анализ был ценным, и он, взвесив всё, запомнил самое важное. Окончив ужин и обсудив дела, он поднялся, чтобы уйти. Пусть остаться на ночь не было проблемой, сама мысль о том, чтобы спать в присутствии людей, которые знают его секрет, казалась ему мучительной.

Советники поклонились, провожая его. Лишь когда слуги увели Цзян Суйчжоу со двора, двое мужчин снова сели за стол.

Гу Чанцзюнь тихо рассмеялся:

— Он заметил.

Сюй Ду неодобрительно посмотрел на него:

— Я же говорил тебе не дразнить его.

Гу Чанцзюнь лишь небрежно вскинул бровь:

— Не думал, что он будет настолько проницательным. Но видишь, он даже не рассердился?

Сюй Ду бросил на него косой взгляд:

— Сомневаюсь.

Гу Чанцзюнь хмыкнул:

— Да какая разница. Мне просто любопытно посмотреть, что этот умный и мягкосердечный «новый хозяин» предпримет дальше.

Вернувшись в Аньиньтан, Цзян Суйчжоу не пошел в спальню, а, пользуясь тем, что время еще есть, заглянул в кабинет. Помимо писем, там хранилось множество других сведений, но из-за их скрытности и объема принц еще не успел всё изучить. Теперь же у него возникла догадка, которую он хотел подтвердить.

Поиски затянулись на четыре часа, почти до полуночи. Наконец в глубине стола он нашел бухгалтерскую книгу. На первый взгляд в ней не было ничего особенного, но Цзян Суйчжоу заметил: крупные суммы уходили из казны каждого 15-го числа, и эти деньги принц лично передавал в руки Сюй Ду. Кроме того, была еще одна статья расходов — сумма крошечная, хоть и слегка менялась от месяца к месяцу. Казалось бы, такую мелочь принцу незачем было фиксировать, но раз она была в книге, значит, цель была крайне важной. Дата выплаты тоже была 15-го числа.

Цзян Суйчжоу принял решение. Он долго обдумывал план, пока Мэн Цяньшань не постучал в дверь, напоминая, что уже поздно, а завтра предстоит важная аудиенция. Спрятав книгу, принц вернулся в спальню.

В доме было тихо, слуги давно спали, остались лишь дежурные. Мэн Цяньшань открыл дверь, и Цзян Суйчжоу увидел Хо Уцзю, читающего при свете лампы. Генерал хмурился, подперев голову рукой; он то и дело постукивал пальцами по лбу, явно не понимая написанного и раздражаясь.

Услышав шум, Хо Уцзю поднял глаза. Его взгляд на мгновение замер на вошедшем принце, который на ходу снимал плащ. «Почему он вернулся?»

Цзян Суйчжоу отдал плащ слуге и обернулся. Хо Уцзю уже снова уткнулся в книгу, делая вид, что не замечает его. В душе принца разлилось странное спокойствие. В министерстве ему приходилось держать марку, в поместье — противостоять проницательным советникам. И только Хо Уцзю, который почти не смотрел на него и не заговаривал первым, дарил ему ощущение свободы. В этой атмосфере Цзян Суйчжоу даже почувствовал мимолетную легкость, словно он наконец-то вернулся домой.

Он самоиронично вздохнул. До чего же тяжело ему живется, если даже суровый облик Хо Уцзю кажется ему «домашним»?

Мэн Цяньшань, решив, что хозяин просто устал, подхватил его под локоть и повел умываться. Когда они скрылись за ширмой, Хо Уцзю медленно поднял взгляд от страниц. «...Ситуация осложняется».

Утром он счел слова Мэн Цяньшаня о том, что «Ван-е ходит к Гу ради вашего блага», бредом сумасшедшего. Но теперь, видя, как принц возвращается в такую глухую пору в свою спальню, Хо Уцзю почувствовал неладное. Мало того, что этот человек в него безответно влюблен, так он теперь даже наложников своих не жалуется, лишь бы поскорее вернуться на свою кушетку...

Хо Уцзю нахмурился, постукивая пальцами по подлокотнику. Неужели и впрямь из-за него? Он терпеть не мог быть должным, ни в вещах, ни в чувствах. Особенно его раздражало, когда люди навязывали ему ненужную заботу. Генерал снова опустил глаза к книге. Это был труд великого конфуцианского ученого — сплошные рассуждения о морали и добродетели, невероятно занудные. Хо Уцзю и так был раздражен чтивом, а возвращение принца должно было окончательно испортить настроение. Но, взглянув на текст снова, он почему-то перестал хмуриться. Казалось, даже этот зашоренный старый ученый перестал быть таким уж невыносимым.

<http://bllate.org/book/16965/1579480>